

Роман Зинзер

Записки Путешественника с Собакой

Записки Путешественника с Собакой/Р. Зинзер, – М.: Зинзер Букс,

2020 - 120 с. 12+

«Записки Путешественника с Собакой» Романа Зинзера - это трэвелог писателя о поездке из Москвы в Прагу и обратно с его бордер-колли по имени Чарли.

Все права сохранены. Копирование или использование в любом виде возможно только с согласия правообладателя.

Редакция и корректура: Анастасия Смирнова

Дизайн: Zinzer Books

Верстка: Zinzer Books

zinzer-books.ru

Я иногда жалею, что ни ночи не провел в тюрьме. Было бы, о чем писать. И к проституткам я ни разу не ходил. И на войне не был — свой единственный шанс стать новым Ремарком или Шолоховым я профукал. Ну как профукал? За свои же деньги я от армии откупился. У меня был друг, у которого был друг, у которого мама работала в военкомате. Так вот этот друг сказал, если я ему дам 60 тысяч рублей в нужном месте в нужное время, а потом схожу в нужную больницу за документами, то чаша получить поутру кирзачом по морде меня минует. 60 тысяч рублей у меня было, мама дала, которая тоже не видела во мне героического описателя боевых действий. Деньги я отдал другу и стал ждать. Друг скоро сказал, что мне нужно явиться в такую-то поликлинику и зайти к врачу Х. Там мне всё объяснят. Я сходил. Х. был рентгенологом, и он выдал мне снимок позвоночника. «Моего» позвоночника, который на снимке напоминал букву U, положенную на бок.

— Сколиоз второй степени. Точно не годен, — сказал Х.

— Спасибо, — я взял снимок и вышел из больницы.

В военкомате специальная женщина посмотрела на мой снимок, на меня, опять на снимок, все поняла и кивнула. Она задала только один вопрос, который я помню до сих пор:

— Размер шапки знаете?

Будь я писателем любовных романов, здесь стояла бы фраза: «внутри у меня все сжалось после этого вопроса», но так

как про любовь я писать не умею, то скажу так. Я вдруг испугался, что я к армии годен и сейчас меня загребут в армейку, и нюхать мне целый год портянки, спать в бараках на сто человек, жрать труху, получать костылей от дедов... Размер шапки? Какой к черту размер шапки? Я даже не знал, что у шапки бывает размер.

— Не знаю, — ответил я.

Женщина посмотрела на мой череп и что-то записала в своей бумажке.

— Значит второй размер.

Второй. Ну хорошо хоть второй. Только что это теперь значит? Второй. Я годен? С вещами на призывной пункт завтра к 9 утра? Вот же зараза мой друг. Еще и 60 тысяч утянул. И Х. тоже зараза. Подсунул липовый снимок.

— Вот тут дата, — сказала женщина-рекрутер и протянула мне какую-то бумажку, — придете за военным билетом.

— И все?

— Ну да, все.

Так я стал негодным к военной службе, узнал свой размер шапки и поставил крест на карьере военного писателя. К чему я это все говорю? К тому, что писать мне не о чем. Я учитель английского языка, меня зовут Рома, мне тридцать лет, я живу в Москве в съемной квартире и ужасно люблю писать книжки. Seriously, я тот еще графоман. Дайте мне чайник, и я придумаю ему драматическую судьбу. Вот прямо сейчас передо мной стоит банка сгущенки, и я уже вижу, как эта банка может стать орудием пролетариата, может быть запущенной в голову полицейскому в ходе народного бунта, и как кого-то арестуют и

посадят в тюрьму за эту банку сгущенки. Все. Поломана судьба человека. Только одна есть в этой истории проблема. В тюрьме я никогда не сидел и понятия не имею, что там внутри происходит. А значит и книжки никакой не получится.

Нет, живу я не один и с ума не схожу. У меня есть Настя (но, думаю, она будет против такой вот владельческой формулировки) — главный скрашиватель моих будней, и с недавнего времени у меня есть собака. Пес Чарли, которому сейчас стукнуло ровно шесть месяцев. Чарли — это черно-белый бордер-колли, резвый, умный и вечно голодный. Интересно, что мне скажет мой квартирный арендодатель, когда узнает, что теперь в его квартире живет пес, который жрет все: от обойного клея до кирпичной кладки?

И еще одна важная штука, прежде чем я перейду к самому рассказу. Иногда я бегаю. Я люблю бегать. И еще я люблю ездить. Все наши с Настей деньги мы спускаем на поездки и, наверно, именно поэтому живем в съемной квартире. Так вот, вся эта небольшая книжка будет о поездке. Одной поездке на машине двух человек и одной собаки из Москвы в Прагу и обратно. Путь незамысловатый, это я понимаю, однако я уверен, мои сногшибательные писательские навыки даже такую банальность заставят сиять алмазом на солнце. Впрочем, хватит мне кривляться.

На самом деле у этой нашей поездки и этой книжки есть высшая цель. Точнее так, у поездки цель одна, а у книжки другая, но они связаны. Сейчас поясню. Давным-давно у меня была мечта пробежать марафон. И пару лет назад я его пробежал. Потом ее раз и еще раз. Все эти разы были в России, в

Санкт-Петербурге. И вот в этом году у меня появилась новая цель. Пробежать этот марафон за границей. Прага лучше всего подходила по датам. Да и любим мы с Настей Прагу. Это цель нашего путешествия. Цель же этой книжки несколько в другом — мне нужны деньги. Чтобы путешествовать, нужны деньги, а я намерен продолжать это свое увлечение. Чтобы писать, тоже нужны деньги, ведь когда ты пишешь — ты не работаешь, и это, я так скажу, занимает огромный кусок непрерываемого времени. И моя собака очень прожорлива, об этом я уже говорил. Чтобы ее кормить — тоже нужны деньги. Поэтому эта книжка — мой способ заработать денег на мои путешествия. Если кто-то вдруг подумает, что я пишу ради удовольствия — нет. Удовольствие для меня — это лежать в гамаке с гавайской гитарой, в мексиканском сомбреро и ничего не делать. Или смотреть в телескоп где-нибудь в Гонолулу и записывать свои наблюдения в толстую клетчатую тетрадь. Но ни того ни другого я пока не пробовал и не знаю наверняка, стоит ли овчинка выделки. А в самом писании нет удовольствия. Я пишу эти записки только ради тех четырнадцати копеек, которые они, записки, мне принесут. Так что спасибо, что купили эту книгу. С предисловиями конец. Перейду к сути.

P.S. Я тут подумал. Вот я рассказал о том, как откосил от армии. А что, если в один из прекрасных дней мне придет в голову стать политиком или, тем паче, президентом моей родной страны? Ведь это же всё. Первый и последний гвоздь в крышку моей возможной политической карьеры.

(Пауза)

(Вздых)

(Еще более долгая пауза)

Эх, ладно. Черт с ними с карьерами и долгами Отчизне. Зато теперь, как мне это видится, я свободен от всякой конъюнктуры моей (России) или какой-либо другой страны, которая всплывет в этой моей небольшой истории. Я не собираюсь в политики, на том свете видел я всю эту дрянь. Все мои оценочные высказывания здесь и ниже есть лишь мое мнение. Возможно, оно неверное, я, скорее всего, ошибаюсь во многих вещах, но ошибаться я готов только из-за своего невежества, и по возможности без оглядки на популярные мнения. Всё. Теперь точно всё. Заканчиваю самолюбоваться и начинаю отмечать километры пути.

Я очень боюсь гаишников. Нет, не то чтобы я вот именно боюсь. Дело в том, что по автомобильной части у меня вечно где-то непорядок, а значит, каждый раз, когда меня тормозит доблестный страж автозакона, я потею и заикаюсь — сейчас он накопает на меня неоплаченных штрафов, так что придется торчать в ДПСной машине три часа, чтобы заполнить все повестки в суд по такому важному делу. Или увидит, что номер у меня висит на скрепке и заставит его прикручивать по новой, или еще что-нибудь. Я постоянно забываю права дома. Я постоянно просрачиваю (я знаю, как пишется это слово) страховки. Как-то раз у меня был совершенно безвыходный случай, юридическая коллизия, кажется, так это называется.

Запарковался я, как обычно, у дома. Хотел зайти, съесть бутерброд и поехать дальше. Нарисовалось у меня пятнадцать лишних минут. Бутерброд был с маслом и селедкой. Очень вкусный, раз я до сих пор помню его ингредиенты. За эти пятнадцать минут мою машину эвакуировали. Оказывается, за день до моего бутерброда у меня возле придомовой парковки повесили знак, что, мол, со дня на день тут будут менять бордюры (точнее так, переворачивать их с одного бока на другой, чтобы прогревались равномерно — именно так шутят москвичи по поводу ежегодных бордюрных эпопей в Москве). Да, менять бордюры, которые уже меняли в прошлом году и поэтому, пожалуйста, тут не паркуйтесь, увезем. Я знака не увидел. Хотя может я его и видел, но как обученная, но грустная собака Павлова я последовал за своими условными рефлексам и запарковался там, где нельзя. Машину увезли. Так бутерброд с селедкой встал мне в восемь тысяч рублей и полдня жизни. Но это не суть моей истории. Дело в том, что за день до случая с эвакуацией, у меня кончилась страховка. Я всегда забываю ее продлить. А чтобы получить мою машину обратно из плена, мне надо со всеми документами ехать в местную ГАИ, получить там штраф и разрешение на получение машины со штраф стоянки. «Все документы» включают в себя и страховку. Без нее машину не вернуть. Поэтому я сразу пошел в страховую. Время платить. Но нет, оказалось, что в страховой не хотят моих денег.

— У нас с этого года новые правила. Вы зарегистрированы не в Москве, поэтому страховку мы вам можем оформить, только если вы приедете к нам с машиной, и мы ее осмотрим.

Что правда, то правда. Регистрации в Москве у меня нет.

Лимитчик я. Понаехал из города Оренбурга.

— Но у меня машину эвакуировали, и без страховки я не могу ее оттуда забрать, чтобы показать вам, чтобы вы ее осмотрели.

— Я даже не знаю, как тогда я могу вам помочь, — сказал мне парень-менеджер. Я чертыхнулся и вышел.

Да, чтобы получить машину со штрафстоянки нужна страховка, а чтобы получить страховку нужна машина не на штрафстоянке. У меня опустились руки тогда. Помогла Настя.

— Может отфотошопить? У тебя же есть старый полис?

Старый страховой полис у меня был. Электронный, который через фотошоп открываться никак не хотел — всплывало окно, что на файл установлена специальная защита. Руки мои опустились во второй раз.

— Скриншот сделай с полиса и это изображение уже и фотошопь, — сказала Настя.

И ведь сработало. Гаишники и усами не повели, что страховка моя была липовая, вернули машину как миленькие. Я потом по этому полису полгода еще ездил. Вот. Кажется, второй раз на трех страницах этой книги я публично признался в правонарушении. Конец мне. Хотя может же так быть, что эти правонарушения я придумал? Может. А значит продолжу.

Чтобы куда-то доехать, нужна машина. У нас машины две, Опель и Опель. Мой Опель постарше, он битый со всех сторон, царапанный, треснутый, я сбивал на нем мотоциклистов (сами виноваты), меня цеплял прицеп от фуры (я тут тоже не причем), Настя въезжала на нем в столб, когда училась водить и невзначай перепутала педали. Или это все же был я?

Не помню. Мой Опель за свою долгую жизнь натерпелся уже столько, что дальние путешествия ему были противопоказаны. Нет, не потому, что он бы не доехал, нет. Просто пограничники очень бы удивились, как это нам хватило наглости ехать к ним в гости на машине, у которой мятый бампер (тот самый настин столб), оторванная антенна (это какой-то зимой с фуры слетел снег прямо мне на крышу) и неоткрывающийся багажник (я честно не знаю, что же случилось с багажником, а отремонтировать мне его дела все не было).

Поэтому те самые две тысячи километров с чем-то до Праги мы решили проехать на машине Насти — Опеле Корса, маленькой малолитражке, бледно-зеленого цвета (наверно, у этого цвета есть отдельное название, но я привык оперировать только семью цветами радуги, черным и белым, лишь добавляя к ним эпитеты вроде «светлый», «темный», «яркий»). Корса, она же Зяблик или Зяб, как мы ее называли, тоже была царапаная, но у нее все работало, и все открывалось. Пограничники бы носа не подточили. Впрочем.., впрочем, как это у меня часто бывает, одна проблема у машины нашей все же была. Зимние колеса. Да, стоял месяц апрель, который вот-вот должен был перейти в месяц май, и на Зяблике были зимние колеса. Поменять на летние я их забыл. Точнее даже не так. Не забыл. Поленился менять — ведь это же какое убийство времени — ехать в гараж к дальнему другу за моими колесами, ждать в очереди на шиномонтаж, везти летние колеса обратно к тому же дальнему другу. К черту это! Так проедем. Колеса у нас зимние, но не шипованные, а значит, проблем не будет. Без шипов поляки пустят.

— А лампочку ты поменял? — спросила меня Настя за пару дней до отъезда.

— Поменял.

У Зяба постоянно перегорал ближний свет. Дело в том, что давным-давно Зяб хорошенько трянуло на суровой дороге, и одна из лампочек выпала из пазы и немного прожгла пластик фары. Лампу я поставил на место, но саму фару менять не стал. И теперь из-за этого прожога после дождя левый глаз Зяба конденсировал влагу, и свет переставал работать. Лампа шла под замену. Из раза в раз лампу я вставлял новую, но светила она недолго.

Надеюсь, до нашего пересечения белорусско-польской границы дождей не будет. Говорят, погранцы иногда проверяют, все ли фары работают у въезжающей машины.

Прага — это первый город в Европе, который я посетил. Прага — это первый город за рубежом, куда я поехал вместе с Настей. Теперь у нас есть Чарли и Прага будет первый городом, куда отправится наш пес. Нет, мы будем останавливаться в городах по пути, но ведь именно Прага — наша главная цель, а значит отсчет надо вести от нее. По всем этим причинам у меня особое отношение к Праге и Чехии.

«Особое отношение» звучит как клише, которое не имеет никакого смысла. Скажу так. Я был в Риме и был в Праге и, если меня спросят, куда я хочу поехать вновь, я сначала назову

Прагу. Я был в Праге и никогда не был в Мадриде. Куда я хочу больше поехать при таком раскладе? Наверно, в Прагу. В Мадрид я поеду, только если карта поехать в Прагу никак не ложится — дорогие билеты, холодрыга в чешской столице, либо что-то еще. У Праги есть красота и трагедия — 68 год знают, думаю, все. В Мадриде красиво, но никакой очевидной трагедии мне на ум не приходит. А ведь именно такое сочетание есть лучшее, чтобы возвращаться в какое-либо место снова и снова. Кто бы поехал в Верону, если бы Джульетта осталась жива?

Весь наш путь к моему марафону — сначала простой, а потом начинает петлять: Москва, Минск, граница в Бресте — мы пилим, пилим по прямой тысячу километров. Дальше мы в Польше: городок Замость, Краков, словацкие горы Татры, Брно, Прага. В Праге я бегу свой марафон, отдаю концы и меня хоронят в любимом городе Земли. Если я все же справляюсь с дистанцией, то на следующий день мы возвращаемся в Польшу — во Вроцлав, потом в Варшаву, Минск и домой. Как посчитала моя карта — итого 4500 километров, Четыре страны, не считая России, две недели пути и 10 мест для ночевки. Надеюсь, Зяб справится.

Расскажу про Чарли. Собаку я хотел давно. Хотел, хотел, и как это бывает, ничего кроме хотения не происходило. Настя тоже хотела собаку, и проявлялось это сильнее. Она смотрела

инстаграмные посты про собак, она отправляла мне время от времени смешные видео о щенках, она же махала рукой и широко улыбалась всем мимо проходящим шарикам. Я был спокойнее и виду не подавал — ведь мы же московские лимитчики, как так завести собаку без своей жилплощади, кто с ней будет гулять? Кто ее будет кормить? Она же все сожрет, она все обгадит, она все покроет толстым слоем шерсти. Все будет вонять псиной. Мы сами будем вонять псиной. Да, все так. С появлением Чарли, у нас дома теперь всегда есть шерсть, на полу вечно что-то скрипит и перекатывается, обои подраны, на стульях и прочей мебели отметины от зубов, пахну я.., хотя откуда мне знать, как я пахну. Но, как сказал один из классиков, честно даже не помню какой: «Хорошие люди потерпят вас и с запахом лука изо рта, а те кто не потерпит — к таким и идти не надо». Возможно, это даже был не классик. Возможно, это я сам придумал. Хотя, даже не запах, шерсть и прочее было главной причиной моего растягивания резины в деле заведения собаки.

У меня была аллергия. На котов. Я совершенно точно знал, что от котов я чешусь и плачу. Коты от меня тоже. Я ведь препод английского и время от времени мне приходится вести занятия в домах моих студентов. Иногда у моих студентов есть коты. Обычно одним занятием такая учеба с котами и заканчивались.

Теперь вопрос. Что делает нормальный человек, когда знает, что у него есть аллергия на кошек, и он хочет завести собаку? Идет и сдает анализы. Но это не наш путь.

— Анализы мы всегда сдать успеем, — сказал я Насте. — Сначала надо пообниматься с барбосами.

— Тут выставка скоро будет. Собачья. Можем сходить. Посмотрим, как это тебе будет, — сказала Настя. — Там будет много собак, все ароматные, флюиды, шерсть, аллергены, все такое.

Хорошо. Так мы решили пойти на выставку собак. Да, чтобы понять, есть у меня аллергия или нет. В Питере. Почему в Питере? Потому что в Москве выставок в ближайшее время не намечалось, да и все равно мы с Настей собирались в Питер. Есть у нас такая традиция. Раз в год ездить в Питер и есть чебуреки. Однако, это другая история.

Еще до нашей поездки на выставку я умудрился однажды пристать к моей студентке-надомнице, и попросить разрешения взять на руки ее зверя. Студентку звали Лариса. У Ларисы с недавних пор жил-был маленький смешной и белый как зарплата в Газпроме пес Гарри. Я не знаю, что Гарри был за порода, но выглядел он точь-в-точь как помесь болонки и шпица. Лариса просьбе удивилась, но позволила потискать Гарри. Я взял собаку на руки, поднес к лицу, обнял и поставил на место. Гарри тоже теперь выглядел удивленным. Потом я потер руками свои глаза. Ничего. Нет слез. Неужто, нет у меня собачей аллергии? Сигнал был хороший, но его надо закрепить. Так мы поехали в Питер, на выставку собак. Закреплять результат.

Как все знают, Петербург — это дождь и лютый пронизывающий ветер и холод, но пару дней в году и там бывает приятно. Мы поехали летом и, конечно же, попали под дождь. Сильный и долгий питерский дождь. Летняя жара сразу спала, стало прохладно. До выставочного центра топать было километра три от метро. Нет, мы могли бы взять и такси или найти

какой-то другой транспорт, но мы были туристами, путешественниками, а путешественники, как советские люди, на такси не ездят. Путешественники ходят. Поэтому мы шли, шли до выставочного центра на Васильевском острове и мокли.

— Знаешь у Дэвида Боуи есть песня и там строчка такая есть: «Было холодно и дождливо, и я чувствовал себя как будто я актер в фильме» Вот и мне кажется, что мы сейчас как актеры под дождем идем, а нас сбоку камера снимает. Фильм о любви, но печальный, — сказал я Насте.

— Твой Дэвид Боуи пусть лучше клеит обою, а нам бы найти, где дождевики купить», — сказала она.

Дождевики продавались в киоске по пути. Сорок рублей за штуку. Они были огромные, сине-белой расцветки, мы в них оделись и стали похожи на две банки стущенки.

— А мы какую породу смотреть будем?

— Не знаю, — ответила Настя.

— Чтобы я бегать с ним мог. Беговой барбос нам нужен.

— Тогда наверно, корги нам не пойдет. Лапки то у них совсем от земли не видно.

— Ты корги хотела?

— Не то чтобы хотела, — сказала Настя. — Но корги мне нравятся.

— Лабрадор?

— Да, лабрадор мне очень нравится. Белый?

— Белый.

— Значит лабрадор, — сказала Настя.

Вход на выставку стоил триста рублей. Мы купили билеты,

вошли и стали ходить и смотреть. Кругом были псы, псы, в клетках, без клеток, они танцевали, они ходили, они пахли, а мне было хоть бы хны. Нет аллергии. Нету!

— Какие же они здоровые, — сказала Настя.

— Кто?

— Лабрадоры.

— Ну-у, да.

— А кто еще есть? А то я совсем пород не знаю.

— Мне овчарка нравится.

— Тоже очень большие.

— Тут же дело не в размере... Да и вообще, если у меня аллергия, то выбор наш будет очень ограниченный.

— Так нет же у тебя аллергии. Вон сколько собак кругом, а ты как огурчик, — сказала Настя.

Аллергии у меня не было. Потом, когда мы вернулись домой, я сходил в заведение по сдаче анализов и там мне сказали, что переживать не о чем. Но лабрадора мы не завели. Слово за слово, форум за форумом и белый лабрадор отошел на задние планы, приюты бездомных собак тоже — может быть, потому что мы с Настей бессердечные, может быть, по другой причине. Мы купили бордер-колли — может быть потому, что Википедия говорила, что это самая умная собака, может быть потому, что в детстве я слишком много смотрел фильм «Бейб» — бордер-колли там был одной из главных действующих лиц. Не знаю, почему мы купили бордера. Никакой смешной и оригинальной истории с появлением Чарли у меня не придумалось. Ни в жизни, ни для этой книжки.